

ных, необычных звуков. Поэтому слово *geheimnisvoll* здесь лишь опосредованно дает общую характеристику смысловому итогу стихотворения.

Чтобы показать, как совсем иные виды смысловых связей между словами могут организовать лирическое стихотворение, я возьму первые строки небольшого иронического, но не лишнего и более глубокой смысловой перспективы стихотворения Осипа Мандельштама. Ироничность этого стихотворения состоит в том, что оно косвенно рисует такой облик лирического героя мандельштамовской лирики, такой облик самого поэта, который мог возникнуть при внешнем, поверхностном восприятии его поэзии, но который противоречил и внутреннему смыслу этой поэзии, и всему внутреннему миру поэта. Мандельштам биографически отнюдь не был причастен к изображаемому в стихотворении миру богатства и внешней изысканности — к тому миру, за связь с которым его «корят». Но возникающий в стихотворении показ реальных черт этого мира разворачивается как одна из разновидностей мастерски изображенных в поэзии Мандельштама различных периодов истории мировой культуры в их материальном, эстетическом воплощении⁴. Вот эти строки:

Я пью за военные астры, за все, чем корили меня;
за барскую шубу, за астму, за желчь петербургского дня.
За прозелень сосен савойских, Полей Елисейских бензин,
За розу в кабине рольс-ройса и масло парижских картин.

В этом стихотворении почти каждое слово — это своеобразный семантический узел с двусторонней — регрессивной и поступательной — ассоциативной направленностью, с двусторонней проекцией смысловых ассоциаций. При этом груз семантических связей, отягощающих отдельное слово, с продвижением стихотворения нарастает.

После слова «астма» слово «желчь» прежде всего воспринимается в аспекте медицинского плана, и лишь после «петербургского дня» сочетается с новыми атмосферными, а с другой стороны, и психологическими представлениями. Петербургский день оказывается днем сумеречного, затуманенного города и одновременно днем больного, тоскующего, раздраженного человека. Это — регрессивно направленная связь «желчь → астма».

Следующая затем строфа, и притом уже ее первая строчка, присоединяется к той самой «желчи» через регрессивную ассоциативную связь «прозелень ← желчь». Это — некая цветовая гамма, идущая от городского ландшафта. «Прозелень», регрессивно связанная с «желчью», в поступательном направлении меняет свой оттенок, оживает, расцветает окраской природного ландшафта: «За прозелень → сосен савойских». И эта естественная окраска на мгновение сохраняется и за словом «полей», поскольку на них поступательно (с точки зрения «сосен савойских») падает проекция прекрасной природы. Но лишь на мгновение. Уже действует поступательная связь со словом «Елисейских» и, более того, со словом «бензин», от чего «поля» приобретают совсем иной смысл и входят в картину города как название его части.

«Бензин» в дальнейшем перебрасывает мостик и к «маслу». Это «масло» в регрессивной связи, до своего сочетания с «парижскими картинами», воспринимается в аспекте техники («бензин» — «машинное масло») и лишь в порядке регрессивных ассоциаций («масло парижских картин») становится элементом описания произведений искусства.

И получается следующий ряд двусторонних ассоциативных связей: астма ↔ желчь ↔ прозелень ↔ сосен савойских ↔ Полей ↔ Елисейских ↔ бензин ↔ масло ↔ парижских картин.

⁴ О важности для поэзии Мандельштама (правда, более раннего Мандельштама) осмысления и воплощения некоторых этапов в развитии мировой культуры см.: *Жирмунский В. М.* Вопросы теории литературы. Л., 1928, с. 228—230; *Гинзбург Л.* Поэтика Осипа Мандельштама. — «Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка», 1972, т. XXXI, вып. 4, с. 309, 310.